

К 40-летию
образования
Поэтического
сообщества
им. Хлебникова
(1973–1985)

163

Иван Блинов

С ПОСОХОМ –
к «Восхождению»

фрагменты воспоминаний

...Как-то так сложилось, что в самом начале 70-х годов в одной из маленьких комнат второго этажа в доме № 100, расположенном на улице Свердлова, раз в неделю, по вечерам, чаще всего по вторникам, стали собираться мы – три брата – Лоренс, Володя и я – автор этих строк, чтобы обсудить различные новости культурной жизни, новинки литературы, почитать свои стихи, просто – пообщаться.

Как раз в это же время в Казань приехал учиться, поступив в Казанский университет, Вячеслав Алтунин – человек неординарный, ищущий себя и в поэзии, и в жизни. И судьба свела его в то время с моим братом Владимиром, тогда рабочим одного из оборонных заводов и студентом вечернего отделения университета. Володя предоставил ему на первое время для проживания одну из двух своих комнат; две другие занимали Лоренс со своей семьёй. Таким образом, у нас теперь появился на наших литературных вторниках ещё один собеседник. Затем, мало-помалу состав участников этих встреч стал увеличиваться. Сегодня приходится только удивляться: как это мы все помещались в такой

маленькой комнатке – «детской», как мы её называли в семье, – в которую едва-едва втиснуты были только один диван да стол.

...Смеркалось. Тихо потрескивали угольки в печке «голландке», а в комнате – звучали стихи, и за чашкой горячего чая происходило их бурное обсуждение.

На одном из таких собраний решено было назвать уже сложившееся литературное объединение «Поэтическим сообществом имени Хлебникова». Со-кращённо – ПОСОХ.

Надо сказать, что в 60–70-х годах в Казани, с разрешения «высших ин-станций», существовало несколько литературных объединений и студий, возглавляемые Марком Зарецким, Николаем Беляевым... Все они в той или иной мере способствовали станов-лению многих казанских прозаиков и поэтов.

Признавая равноценность всех форм духовного опыта, всё же некото-рым особняком и возникло это поэти-ческое сообщество имени Велимира Хлебникова – ПОСОХ. Организато-ром его был мой старший брат Лоренс Блинов, композитор и педагог, давно и всерьёз занимающийся поэзией. Неко-торые его стихотворения уже были опу-бликованы в то время в периодической печати, другие ходили в списках, так как считались в известных официальных кругах «диссидентскими».

Например, одно из напечатанных его стихотворений начиналось следую-щими строками:

**Навоза прель и прелести весны
слились в апреле
с пряностью запретов...**

или, вот, другое – из наиболее ярких, напечатанное в газете «Комсомолец Татарии»:

**Надо отойти,
иначе – ошарашит!
Обожжёт, оглушит связками лучей...
Надо б раньше...
Надо бы вчера же –
вырваться и плыть,
пока корабль – ничей.**

**А теперь нельзя:
неистовые стражи
выплеснули сны
восторженных грачей.**

**Надо отойти –
иначе ошарашит,
обожжёт, оглушит связками лучей!**

Но были у него и стихи, о публика-ции которых, конечно, не могло быть и речи. Да и читать-то их вслух в то вре-мя было далеко небезопасно. Напри-мер, такие (из цикла «Серый табун»), которые являли собой точную харак-теристику уже надвинувшейся серой полосы «брежневских лет» и, вместе с тем, – яростный протест против «оносо-роживания» сознания:

**Как осадить нам носорожий рёв?
Как выдоить
слепую эту серость!?
В долине идол –
жилист и суров:
здесь всякий звонкий возглас –
ересь.**

Имя автора, как и собрания ПОСО-Ха, стали вскоре притягательными. Со-вершенно не удивительно, что в ПОСОХ потянулись молодые ищущие поэты. И здесь, на этих вечерах, они смогли по-знакомиться и со стихами другого мое-го брата – Владимира Блинова, смогли по-настоящему оценить казавшиеся внешне вполне безобидными, но очень точно отражающие настроение и ат-мосферу «эпохи застоя» миниатюры из его цикла «Лунные стрелы».

Например:

**Так изменились мои друзья,
что я невольно
пошёл к реке –
узнать:
а я –
всё тот ли?**

Друг и университетский однокаш-ник Володи Вячеслав Алтунин – тонкий лирик, уже заявивший о себе такими живописно-прозрачными и возвышен-ными стихотворениями, как «Закатный сад» или «Свечение вещей», прочёл вдруг на одном из наших собраний та-

кие стихи, обличительный пафос которых уже почти переходил за грань допустимого в поэзии.

Стоя, несколько заикаясь и жестикулируя в такт стихотворению, он тихо начинал:

**Может, так устроена эпоха,
Что не распеёшься соловьём.
Но живём мы всё же слишком плохо,
Грубо и предательски живём!**

И, словно бы забыв про своё заикание, заключал с неумолимостью:

**Так и задремали бы во прахе...
Хорошо, что смерть на свете есть!**

Постепенно вокруг ПОСОХа, наряду с молодыми литераторами, такими как Сергей Карасёв, Константин Кошкарёв, Владимир Рошкетаяев, Нелли Земляниченко, Мансур Сафин, Нелли Шук – стали объединяться журналисты – Елизавета Лебедева, Ия Якименко, Юрий Алаев, Юрий Балашов (друг Володи – в то время студент КГУ); художники – Юлия Вургафт (Каспина), подарившая нашему объединению эмблему ПОСОХа (Одуванчик в ночи).

Не раз на заседания ПОСОХа приходил молодой тогда художник Константин Васильев. Он внимательно прослушивал всё прочитанное, делал свои замечания. Мы отмечали широту его кругозора, точность высказываний по многим вопросам, причём без всякой позы или высокомерия.

Заинтересовались молодым, но «ершистым» литобъединением также и актёры, кинематографисты. Не только казанские, но и из других городов (например, московский режиссёр Владимир Стрелков). Приезжали поэты, художники, музыканты из Астрахани, Киева, Ленинграда, Москвы...

Число посещающих собрание ПОСОХа всё увеличивалось, и однажды стало ясно, что количество их стало значительно превышать вместимость помещения. Но как раз к этому времени семья Лоренса сменила адрес проживания...

В «зале» новой квартиры так же, как и в «детской» (которая преврати-

лась теперь в своего рода «кулуарный уголок»), не было ничего лишнего: посередине стоял массивный старинный квадратный дубовый стол, небольшой сервант, несколько стульев, на стене – часы, в дальнейшем – на одной из стен была вывешена картина Юлии Вургафт «Одуванчик», ставшая, как уже было сказано, эмблемой нашего сообщества.

На заседания каждый считал долгом что-нибудь принести к чаю. Кто приносил печенье, кто конфеты, а иногда появлялись на столе и пироги, и варенье...

Суждения по поводу прочитанного могли быть совсем даже нелюбезными, но каждый относился к тому или иному выступающему с предельным уважением и тактом. В особенности же это касалось любого из так называемых «гостей», т.е. тех, кто впервые появился на ПОСОХе.

И совсем было не важно, читал ли он свои стихи или высказывался по поводу прочитанных, ведь, как говорилось в «Огласнике» ПОСОХа, «наша цель – пробудиться в слове и пробуждать».

Душой сообщества, генератором идей и, в большинстве случаев, ведущим «вечеров» был Лоренс, к которому все относились с подчеркнутым уважением. Он давно уже был известен и как тонкий ценитель искусства – музыки, литературы, живописи, и как автор совершенно необычных сочинений. Экспериментатор в музыке, он также успешно экспериментировал и в поэзии. Теперь же все смогли убедиться, что и по части эрудиции ему не было равных. И это, должно быть, помогало ему находить смысл там, где другие видели иногда лишь бессмыслицу... Поэтому, наверное, не случайно, что именно он и предложил дать сообществу имя Велимира Хлебникова – новатора в поэзии, и редкий вечер не читалось хотя бы одно стихотворение Хлебникова.

Время шло, обновлялся состав посетителей наших собраний, но заседания продолжались. Несмотря на свою «андеграундность», ПОСОХ получал

всё большую известность. Стихи его участников стали появляться в различного рода периодических изданиях и сборниках. И постепенно многим стало ясно, что существование ПОСОХа – это далеко не рядовое явление литературной жизни.

В начале 80-х годов ещё продолжались заседания ПОСОХа, но Лоренса всё чаще и чаще стали приглашать выступить то в Доме учёных, то в университете, то во дворцах культуры...

В 1984–1985 гг. при Доме учёных образовался клуб естественного оздо-

вления – «Гармония», куда Лоренс был приглашён выступить с циклом лекций. Затем этот клуб получил название «Восхождение», сопредседателем которого стал Лоренс Блинов. И уже там, наряду с рассмотрением философских, этических и др. вопросов, проводились и вечера поэзии, музыки, на которые тогда собиралась очень большая аудитория.

Таким образом, «ПОСОХ» выполнил свою роль. С его помощью, опираясь на него, многие сумели выбрать свой путь в жизни.

22.11.1999

166

Лоренс Блинов

На пути к «Огласнику»

к 40-летию образования

К началу 70-х годов закончилось своё существование литературное объединение имени Владимира Луговского, свыше десяти лет служившее прибежищем для молодых энтузиастов поэтического слова, опьянённых свежим ветром так называемой «хрущёвской оттепели». В то, уже далёкое от нас время участники объединения собирались в Доме печати (чаще всего в клубе имени Габдуллы Тукая), читали свои стихи и горячо обсуждали их, равно как и последние веяния поэтических исканий собратьев по перу, живущих за пределами Казани.

Время от времени посещал такие собрания и автор этих строк, иногда показывая и свои поэтические опыты.

Впрочем, отнюдь не всеми и не всегда они принимались «с одобрением». Скорее, наоборот. Только много позже стало понятно, что иначе и быть не

могло. Большинство членов этого литературного объединения находилось под влиянием ярчайших поэтических светил того времени. Это были – Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко, бунтарский пафос которых казался столь привлекательным.

Мне же была более близка иная область поэзии, связанная с именами русских футуристов начала двадцатого века, а также – полузапретная лирика Пастернака и Цветаевой (и уже совсем запретные стихи Мандельштама и Гумилёва, «ходившие» лишь в подпольных машинописных копиях «самиздата»).

Райнер-Мария Рильке и Федерико Лорка (некоторые из сочинений которых я решил заново перевести на русский язык), французские сюрреалисты Андре Бретон, Тристан Тзара, Рене Шар и другие (совершенно не известные для большинства поэтической братии) воз-

Братья Блиновы – Лоренс, Владимир, Александр, Иван – у дома № 100 по ул. Свердлова г. Казани, где проходили собрания ПОСОХа

никли в поле моего зрения значительно позднее.

А тогда, в самом конце 50-х годов (ещё до создания литобъединения имени Вл. Луговского), надолго затмив все иные поэтические светила, возникло передо мной явление, имя которому Велимир Хлебников.

Это было не только открытием (для самого себя) творчества полулегального поэта, но неожиданным образом «хлебниковским ренессансом» в Казани.

Поскольку мне показался всё же недостаточным тот «хлебниковский материал», который был предоставлен Ленинской библиотекой (её работники смогли отыскать лишь раритетный – прижизненное издание – «Изборник стихов» да «Неизданные произведения» Хлебникова), я решил навеститься в университетскую библиотеку. И (о, чудо!) интуиция не подвела: там оказался знаменитый пятитомник Хлебникова (под редакцией Ю.Тынянова и Н.Степанова), который мне стали том за томом выдавать – под расписку и отбирая паспорт на время работы в читальном зале. Там я на протяжении многих дней занимался изучением это-

го собрания сочинений гениального поэта, заполняя выписками из него несколько объёмных тетрадей.

Интересно, что в то же самое время – в этом же читальном зале – изучал пятитомник и Константин Бердичевский (ныне известный поэт Константин Кедров, живущий в Москве). Мы уже были с ним знакомы, встречаясь на заседаниях упомянутого литобъединения. Удивительно, но часы нашей с ним работы в библиотеке (за все эти дни) ни разу не совпали. Однако необычным интересом двух абонентов к одному и тому же изданию заинтересовались «соответствующие структуры», и доступ к сочинениям Хлебникова надолго был закрыт как в университете, так и в Ленинской библиотеке. Но обо всём этом мне стало известно гораздо позднее.

Костя же через некоторое время, вследствие крайней радикальности творческих установок, вынужден был уехать из Казани, чтобы уже в Москве начать дело становления нового поэтического движения. Он организовал (совместно с замечательным поэтом – Еленой Кацьюбой и при участии активной помощницы – Людмилы Ходынской) независимое поэтическое издание «Га-

зета ПОэзия», которая превратилась позже в известный «Журнал ПОэтов».

На мою же долю выпало здесь, в Казани, продолжать «хлебниковскую стезю», проводя различного рода поэтические вечера, посвящённые новаторской поэзии. Иногда такие вечера сопровождались моими же музыкальными сочинениями, связанными с поэзией Хлебникова. Наибольшую известность тогда получил цикл пьес под названием «Струения мигов» (для фортепиано и чтеца), особенно часто исполняющийся в связи с очередными хлебниковскими юбилейными датами*.

Первоначально зачисленные музыкальными руководителями в разряд «совершенно недопустимых явлений, чуждых всему образу нашей художественной жизни» упомянутое сочинение и проводимые мною музыкально-поэтические собрания долго ещё не могли освободиться от этого нелепого клейма.

Между тем, собственные литературные опыты продолжались, приобретая какое-то иное качество. Где-то внутри шла, вероятно, напряжённая работа по преобразованию всей системы творческого самовыражения, всего механизма поэтических движений. Конечно, этот анализ (самоанализ) возможен лишь теперь; тогда же, в те времена, трудно было что-либо понять в самом себе.

Однако стали возникать и даже (невероятным образом) появляться в периодической печати такие из моих сочинений, которые не могли не раздражать не только моих собратьев по стихосложению, но и самих руководителей литературного объединения, которые назначались «сверху» и потому несли ответственность за «поэтический климат» литературных собраний. «Оттепель» заканчивалась. Наступила «брежневская эпоха». И вот литературное объединение имени Владимира Луговского перестало существовать.

Многие из его членов завершили своё обучение в вузах Казани и разъехались в разные концы страны.

Перед оставшимися встал вопрос: где собираться. Некоторые из них уже вкусили «запретный плод» нового поэтического видения, и их не могли уже удовлетворить «разрешённые» кем-то там наверху «официальные» литературные собрания, появившиеся в стенах Казанского университета, либо в Музее М.Горького.

Они начали мечтать о создании независимого поэтического сообщества, подобного тому, которое создали в начале XX века братья Бурлюки, подобного их «Гилее», ставшей центром притяжения для таких личностей, какими явились будущие футуристы – Хлебников, Маяковский, Каменский, Кручёных...

На очередном сумбурном собрании этих «мечтателей» мне пришла в голову идея: создать новое объединение с названием ПОСОХ – Поэтическое общество имени Хлебникова. Идею поддержали с неожиданным энтузиазмом. Встал вопрос о месте поэтических встреч. После бесплодных попыток найти решение вопроса в различных общественных организациях города (в том числе в горкоме ВЛКСМ, результатом посещения которого явился категорический запрет на создание подобного сообщества), решено было собираться на нашей с братом Владимиром квартире, находившейся на ул. Свердлова в доме под номером 100.

Волей-неволей объединение приобрело андеграундный характер, вследствие чего не все из тех, кто так активно стремился к участию в подобном литобъединении, смог в дальнейшем остаться в нём. И всё же в сентябре 1973 года состоялось первое собрание, а вскоре определился основной состав участников будущих собраний. На одном из таких собраний было решено выработать своего рода «манифест»

* Обычно пьесы звучали в исполнении Виолы Блиновой (либо – её сестры Юлии); партию чтеца исполнял автор.

объединения, в котором была бы отражена идея ПОСОХа. Подготовить проект подобного документа было предложено мне. К очередному заседанию ПОСОХа основной текст был готов и после соответствующих поправок и уточнений был полностью одобрен собравшимися.

Так возник «Огласник ПОСОХа, или Поэтическое приглашение к вечернему чаю» – программный документ, положения и эстетические установки которого на долгие годы определили работу нашего поэтического сообщества и творческую судьбу его участников.

Огласник ПОСОХа, или Поэтическое приглашение к вечернему чаю

169

1. Мы пришли потому, что место пусто. Оно давно нас ждёт. Нам нет необходимости кого-либо ниспровергать. Всё обстоит так, как и должно обстоять (как и обстояло всегда): каждому своё. Наше – нам.
  2. Мы пришли потому, что идущих далеко впереди – забыли: их не видно. Мы их не заменим; но ведь нам не заменить даже самих себя.
  3. Мы никого не сбрасываем (и не собираемся сбрасывать) с «корабля современности», напротив, мы им каждому предоставляем право выбора любого лайнера, мы не ограничиваем их в возможности плыть, лететь из любой запредельности в любую повседневность.
  4. Сами же мы, взяв в свои руки ПОСОХ, отправляемся своим путём, приглашая (чашка чая не столь уж и фантастический способ совместного старта) к путешествию всех тех, кто не боится задохнуться неувимостью тонкозвонящего, кто не боится в вытянутой руке, закрыв глаза, пронести одуванчик сквозь ураганную серость города, кто зачарован прохладным звоном серебра в глубинной синеве небес...
- Мы приглашаем вас пойти с нами, вас, отряхивающих пыль с высокозвёздных струн в розоватые озёра Весны; вас, не боящихся опрокинуть эти озёра на пугливую белоснежность бумаги, чтобы пристально взглянув им в глаза, вновь и вновь мучиться вопросом: кто кого отражает...
5. Серый табун – уже не преграда нам.
Наш ПОСОХ стоит любого кнута!
- Мы свободно проходим сквозь всю эту мычащую чашобу; перед нами – простор, мы уже слышим тончайшие колебания надводных струй (но мы способны постигать и заглубинные течения); и нам некогда скучать. С нами великолепная и удивительная компания, обещающая никогда нас не покидать, компания, неременной спутницей которой является светящаяся лукавством Вечность со всеми своими многочисленными поклонниками и почитателями. Взор выхватывает, например, среди прочих аскетическую фигуру «великолепнейшего и честнейшего рыцаря поэзии», бессмертного Председателя Земного Шара, умеющего погружаться в себя со всею своей ратью будетлян, с художниками и пилотами; с математиками и галахами; с раклами и безумцами...

Мы видим и его красивого двадцатидвухлетнего собрата в жёлтой кофте и чёрных штанах из бархата собственного голоса – впрочем, у него, говорят, был и ещё один голос – для женщин и для того угрюмого и страстно-бесстрастного антипода своего – равно похожего, как известно, на араба и, одновременно, на его лошадь, – роняющего слова «задумчиво и щедро – едва, едва, едва»... Здесь и преклоняющийся лишь перед метафорой да жизнью – разделяющий и исключаящий всякое соседство двух этих ипостасей: «В присутствии розы незачем читать стихи о розе, – либо роза, либо стихи станут лишними», – свято чтившего столь далёкого в своём недоступном величии короля метафоры донна Луиса де Гонгору – сегодня и это воплощённое олицетворение одиночества здесь, и это не насилие, – он нас предвидел; но тут же поблизости и тот, кто гордо отринув имя своего тройного тезки – равно как и испаноязычность, – предпочёл тихо и незаметно погрузиться в Античность, дабы возникнуть затем с тихой ослепительностью неведомой славы, с застенчивой гордостью своих непостижимых «Трофеев» – это Жозе-Мария де Эредия; и другой француз – утончённейший Эжен Гильвик; и язвительнейший маэстро парадоксов, постоянно заставляющий истину слегка побалансировать на накате, дабы проверить её достоверность, обнадёживающий зло и ослепительно, что «всякое искусство совершенно бесполезно»; и Фет; и анонимы древности... и – «постигающий мичиган», а рядом – и всегда чуть впереди – настолько же, насколько и несколько позади – космически величественный манхеттенец, с ног до головы укутанный в «Листья травы»... И Сартр... И Рильке. Мишо и Беккет...

Да мыслима ли и уловима вся эта плывущая своими течениями армада айсбергов, даже и в своей надводной части недосыгаемых, бесконечных и неохватных! Но как обойти? Как миновать?

...Шекспир ... Марина ... Элжар... И некий орнитолог, белоснежный шаманствующий словодей, заморожено и замораживающе исследующий гордую и великолепную утончённо-поэтическую птицу со своей озорной и ажурной чертовщиной и «Мёртвыми душами» за душой... И фаустообразный Мастер со своею Маргаритой; и уж совсем похожий на нас одинокий и босой японский странник со связкою Рэнку под соломенным Плащом обезьяны; и могучая старуха Анна; и Верхарн; и коктебелец; и язвительно-освежающе-сокрушающий еврей Осип ...

6. Прошлое поэзии (как и будущее) – свежо и обширно. Настоящее – поддёрнуто серым абсурдом ясности. Приступ поступательной дезориентации достиг своей вершины ныне по отношению к феномену «простоты». «Назад, к Пушкину!» – кричат одни, не видя, что он намного впереди их затылков... «Вперёд, к Пушкину!» – вопиют некоторые другие (ракообразные). А если прибавить к этому всевозможные левые и правые поэзы и призывы, то картина полнейшей дезориентации выявится во всей своей ясно ориентированной неопределённости.

7. Но мы против переосмысления здравого смысла. Здравый смысл неизменяем. Он неуничтожим.

Отыскать тонкие горизонты пленительной неясности среди дидактического моря учёно-филологического одичания – наша цель. Пробудить в душе затаённые туманности со всею гигантской утончённостью галактик – наша цель. Наша цель – пробудиться в слове и пробуждать.

В наши дни слишком неосмотрительно быть осторожным.

Здравый смысл – болезнь. Болезнь духа.

Здравый смысл – тоталитаризация фетишей, антипоэзия.

Здравый смысл – метафора в униформе. Мы её обнажаем, возвращаем ей индивидуальность; мы заставляем её жить своею собственной жизнью – жить,

чувствовать, совокупляться с бесподобными себе и рождать молнии. Молнии Поэзии и Красоты.

8. **Звёзды горят не те.** Звёзды эстрады. Звёзды кино. Звёзды сиюминутности. Звёзды сегодняшнего прошлого. Макеты и модели звёзд. Без неба. Звёзды сомнамбулизма и наркотиков.

9. Наш ПОСОХ – всем, кто видит над головой иной звёздный шатёр. Тем, кто способен увидеть его распахнувшимся, раскрывшимся подобно бутону с бездонным ароматом зазвёздных сфер; кто не страшится ступить за горизонт.

10. Мы не признаём прозы. У нас нет стиха.

Она. Одна она – ПОЭЗИЯ.

Мы погружаем наш ПОСОХ в живую струю земли, и он расцветает музыкой птиц, живописью трав, поэзией зазеркальных гор.

Мы слышим, как в глубине протожизни пульсируют солнца и видим Поэзию.

Мы видим, как где-то в контурах слова трепещут крылья и слышим Поэзию.

Мы равно чтим и хрустальный звон горного ручья и буйные волны словоокеана, и мы помним о зелёных островах тишины...

Мы зовём видеть и слышать, чувствовать и осязать; мы идём туда, где «цвет василька через неведомые области разрыва способен вдруг превратиться в звук кукования кукушки или плач ребёнка».

Мы приглашаем к путешествию по непредставимым землям преобразования чувств. Мы их представители. На этих землях лишней лишь тот, кто сам себя таковым ощутит. Здесь – для каждого своё место; каждому – свой интерес...

11. Мы знаем, что кроме искусства существует политика. **Благороднейшею политикой искусства является – внушать людям Красоту.**

12. Красота ничего не доказывает. Более того, она доказывает, что **наиценнейшее доказательств не требует.**

Казань, XX.
ПОСОХчане.

Стихи ПОСОХчан

Лоренс Блинов

Слово о Велимире

Посмел
рискнуть ты воскликнуть:
«О, вы ли,
что древним зверем
на новое выли,
поймёте
о чём искусства законы
глаголят,
в цепи невежеств
закованы!»